

Алексей Карпович Дживелегов

ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ

1483--1540

Текст издания: Ф. Гвиччардини "Сочинения", Academia, М., 1934 г.

Электронная версия: М. Н. Бычков

"Гвиччардини -- подлый негодяй", -- сказал как-то Стендаль [418] мимоходом, небрежно и беззаботно, как говорят, что снег белый, а трава зеленая. Эдгар Кине на пяти страницах "Итальянских революций" собрал против Гвиччардини столько обвинений и таких, что, если бы половина была правдою, ни один итальянец никогда не произносил бы его имени без гримасы отвращения. "Когда будет Италия, она золотыми буквами начертает имя этого чудесного гения на позорном столбе", -- восклицал буйный друг тянувшейся к единству Италии [419].

Стендаль и Кине были друзьями "Молодой Италии", идейными союзниками итальянского Risorgimento. А оно, одушевленное идеями свободы и единства, ненавидело Гвиччардини так же сильно, как любило Макиавелли. Ведь Гвиччардини был противником единства, служил папе Клименту VII, Алессандро и Козимо Медичи и дезертировал из Флоренции, боровшейся за свою свободу. Все эти факты расценивались как тягчайшие преступления против Родины (люди Risorgimento любили писать это слово с заглавной буквы). Оценки Стендаля и Кине -- отголоски оценок итальянских патриотов XIX века.

Человеку, которого преследовали такие приговоры, трудно было поправить свою репутацию. Восстановление ее далось нелегко. Стендаль и Кине едва ли знали из сочинений Гвиччардини что-либо, кроме "Истории Италии", хотя в разное время частично печатались его "Заметки политические и гражданские". Поэтому, когда появились десять томов "Неизданных сочинений", очень наспех, без серьезной научной подготовительной работы, в большом беспорядке напечатанных Джузеппе Канестрини [420], вопрос о пересмотре старых оценок встал сам собою. Но, во-первых, к этому времени были опубликованы свидетельства современников, часто враждебные Гвиччардини, а во-вторых, в первом же томе Канестрини появились полностью "Заметки", которые послужили новым поводом для нападок. На этот раз судьей Гвиччардини, строгим и красноречивым, выступил Франческо Де Санктис, влиятельнейший из историков итальянской литературы, страстный герольд рисорджиментных настроений. Он нарисовал [4201] такой отталкивающий его портрет, и притом с такой убедительностью, что его взгляд на Гвиччардини сделался на долгое время как бы обязательным. Отголоски его можно найти в таких сравнительно недавних работах, как монография о Макиавелли Оресте Томмазини.

Но трезвые слова о Гвиччардини начали прокладывать себе дорогу, как только объединение завершилось и его злободневные задачи перестали направлять критический анализ прошлого. И как бы для того, чтобы искупить несправедливые оценки Стендаля и Кине, первым спокойно, хотя и без большого сочувствия заговорил о Гвиччардини француз Эжен Бенуа [422], использовавший первые три тома публикаций Канестрини. А когда писания и действия Гвиччардини подверг объективному анализу в книге о Макиавелли крупнейший историк современной Италии Паскуале Виллари, ставший на защиту его не только как историка, но и как человека, в литературе о Гвиччардини наступил поворот. По следам Виллари пошли другие, а в самое последнее время, в связи с послевоенными фашистскими настроениями, прежнее отрицательное отношение начинает уступать место чуть ли не апологетическому, и если бы в наши дни кто-нибудь вздумал повторить отзыв Стендаля, его стали бы обвинять в кошунстве [423].

Чем объясняются такие огромные колебания в оценке человека и писателя?

Гвиччардини пишет -- и действует -- так, что не всегда легко добраться до настоящих его мыслей. Такова, как мы увидим, его натура. Поэтому словам -- и делам -- его нетрудно дать неправильное истолкование. Если не иметь твердого критерия для суждений и оценок, легко впасть в ошибку. Прежние безоговорочные обвинения и новейшие, порою восторженные апологии тем и грешат, что под ними обыкновенно нет твердой почвы.

Почву эту нужно искать в среде и в эпохе.